

фантастическая
история

Валерий Елманов

Князь доля

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

фантастическая
история

КНЯЖЬЯ ДОЛЯ

Цикл

«Лал — камень любви»

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА
НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОЛКОВОДЦЕМ
ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА

Цикл

«Эффект стрекозы»

НАЙТИ СЕБЯ
ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО?
ПРАВДИВЫЙ ЛОЖЬЮ
ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ

МОСКВА, 2011

фантастическая
история

Валерий Елманов

Князь доля

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Моей милой очаровательной Аленушке, самой мудрой из женщин, без которой никогда бы не была написана эта книга, посвящается

Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкой, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали? По крайней мере, я люблю сии времена...

Н. М. Карамзин

К ЧИТАТЕЛЮ. ВНЕСЕМ ЯСНОСТЬ

У времени-реки извилистое русло,
То буйный пережат, то заводь в камышах.
И что там впереди намечено по курсу —
Не знает ни одна жива душа.
У времени-реки бесовские повадки,
Уж если заштормит, то нет спасенья в ней...

Сергей Трофимов

Историческая река времени и впрямь течет неравномерно, в точности соответствуя красивым и мудрым строкам поэта, что вынесены мною в качестве эпиграфа.

Проследить, где грань не между годами, а хотя бы между веками, почти невозможно. Уж очень редко — особенно в эпоху Средневековья — они очерчиваются резкой, четкой линией. Чаще переход из тихой камышовой заводки к буйному пережатию происходит плавно.

Однако бывают исключения и из этого правила, как, например, в случае с тринадцатым веком, изначально обреченным на ужасы бедствий, хищное пламя пожарищ, слезы и кровь, боль и смерть.

Грань эту отчертили даже не одно, а два символических события, которыми судьба оповестила людей о его прибли-

женин, предвещая великие бури и потрясения для большей части европейской цивилизации.

Одно из них произошло в январе 1204 года, когда озверевшее от безнаказанности «рыцарство» Запада в своей неуемной жажде наживы овладело столицей Византийской империи Константинополем, учинив в древнем городе неслыханное варварство.

Да, разумеется, не следует обвинять в происшедшем только их одних. Если бы у жителей было бы хоть немного желания защитить себя, то городом никогда не удалось бы овладеть. Но прогнивший духом Царьград, подобно престарелой блуднице, сам охотно распахнул ворота перед грубыми, неграмотными, дурно пахнущими западными вояками, словно в насмешку — иначе и не скажешь — именующими себя рыцарями.

Падение столпа всего восточного христианства уже само по себе предвещало великие потрясения. Однако, не удовольствовавшись этим, судьба осуществила еще один «звонок», причем отдельный — для Руси.

Произошел он даже чуточку раньше по времени. В 1203 году князь Рюрик Ростиславович совместно с черниговским князем Всеволодом Чермным и союзными половцами взял Киев.

Не имея серебра для уплаты степнякам, он не нашел ничего лучшего, как отдать им русскую столицу на разграбление. Радостные половцы сожгли не только Подол, но и Гору, дочиста разграбили Десятинную церковь и Софийский собор, вытащили из многочисленных монастырей всех монахов и монахинь, из коих старых и увечных перебили, а молодых увели с собой на продажу в Крыму.

Словом, начало тринадцатого века символично ознаменовалось жуткой резней в двух самых крупных городах Восточной Европы.

А где-то далеко-далеко, в степях Центральной Азии уже назрела черная опухоль, прорвавшись в 1206 году, в день, когда на великом курултае всех монгольских племен был поднят на белой кошке злобный, жестокий и беспощадный степняк Темучжин, названный Чингисханом.

Тогда-то она и лопнула, а из открытой раны зловонным гноем хлынула степная конница, с каждым годом приближа-

ясь все ближе и ближе к границам цивилизованных государств.

С этого дня неумолимый в своей жестокости «обреченный» век окончательно вступил в свои права, а невидимый метроном времени стал безжалостно отсчитывать дни, недели, месяцы и годы, неуклонно приближая древнюю Киевскую Русь к неизбежному концу — вначале к Калке, а затем к нашествию полчищ Батыя.

Была ли альтернатива этой катастрофе? Возможен ли был иной вариант последующих событий?

На первый взгляд — нет. В то время раздробленная более чем на пятьдесят основных и удельных княжеств Русь и впрямь была уже не в силах оборонять свои границы.

Уже в начале предыдущего двенадцатого века она окончательно перестала расширяться, а в середине его, напротив, стала терпеть одно поражение за другим.

Великие деяния Рюрика, Олега, Святослава, Владимира и Ярослава сменились у их потомков на мелкие делишки вроде дележа все того же Киевского княжества, которое числилось старшим лишь номинально, по привычке.

Занятые в бесконечных сварах и междоусобицах князья дома Рюрика докатились до того, что в Галиче провозгласил себя князем боярин Владислав. Один этот факт говорит об очень многом.

Дальновидность уступила место политической слепоте, героические сражения за Русь сменились грызней за власть, и войны эти год от года становились все более бессмысленными и вместе с тем все более жестокими.

Только одна битва под Липицей, где насмерть схлестнулись несколько родных братьев Всеволодовичей, деля наследство умершего отца, унесла свыше девяти тысяч жизней.

Большая часть погибших были из ополчения — это так. Но кто сочтет, сколько полегло опытных, бывалых дружинников — профессионалов военного дела? И ведь гибли лучшие, потому что участь их — идти впереди, а следовательно, умирать первыми.

Да что там Липица, когда, даже идучи на Калку, князья так и не сумели избрать, говоря современным языком, главнокомандующего соединенными дружинами. Каждый был сам за

себя. Да и потом полученный жестокий урок так никого и ничему не научил.

А если бы в то время нашелся среди князей человек, который сумел бы сплотить страну, что могло бы произойти?

Сумела же нищая убогая Литва расширить свои границы «от моря до моря», увлекаемая на все новые и новые завоевания неутомимыми, отважными и умными князьями — вначале Миндовгом, а затем Гедимином и его сыновьями Ольгердом и Кейстутом. И это невзирая на постоянное противодействие весьма сильных врагов.

История, как известно, не имеет сослагательного наклона. Исследователь того или иного времени обязан полагаться только на факты и события.

Никаких «если бы».

Эти слова для него — неумолимое табу.

По счастью, я — не историк, хотя и весьма равнодушен к богине Клио. Я — писатель, а потому имею полное право задать этот вопрос: а что было бы, если бы?..

Только представьте себе, что в это роковое для нашей державы время отыскался бы на Руси человек, обладающий именно теми качествами, о которых я упомянул, говоря о литовских князьях.

Вообще-то ответ на мой вопрос уже дал известный советский поэт Эдуард Асадов:

А коли верх одерживали орды,
Прости, Россия, беды сыновей.
Когда бы не усобицы князей,
То как же ордам дали бы по мордам!¹

А если этот человек к тому же еще и наш с вами современник, который перенесся в далекое прошлое напрямик из конца двадцатого века?..

Пусть он будет далеко не супергерой с мускулатурой Шварценеггера — меня, признаться, и самого коробит от голливудской вульгарщины, — а самый обыкновенный человек, который и драться-то толком не умеет, тем паче лихо скакать на коне и метко стрелять из лука.

Да и голова у него далеко не компьютер самой последней

¹ Эдуард Асадов. «Россия начиналась не с меча». — *Здесь и далее примеч. авт.*

модели, чтоб мгновенно просчитывать все варианты с вычлениением из них самого оптимального. Увы, но раз мы договорились, что он — обычный человек, то тем самым ему автоматически предоставляется право на ошибку.

Или ошибки.

Словом, как получится.

Зато он любит Русь, знает, что ее ждет в ближайшем будущем, и полон самого горячего желания избежать всего этого.

Мало, скажете вы. К этому неплохо было бы добавить автоматы, систему «Град» и парочку реактивных бомбардировщиков, тогда и желание его сразу будет выглядеть намного увесистее.

Увы. Я и сам знаю, что маловато, но тут уж ничего не попишешь. Все остальное останется неизменным. Чтобы соблюсти честность, весь исторический фон того времени должен быть сохранен в целости, и практически ничего из него мы не удалим и не добавим.

Более того, мы и знания этого человека попытаемся как-то нейтрализовать, ну хотя бы частично, то есть сохранятся только общие, а некоторые подробности, в том числе весьма важные, «позабудутся». Словом, все точно так же, как и было, но плюс та самая неуловимая добавка под кодовым названием «человеческий фактор».

Сможет ли он перевесить неисчислимые конные армады, неумолимо движущиеся по степи в сторону Руси?

Честно говоря, я и сам этого до конца не знаю, уж больно мало отпущено этому человеку времени на подготовку, к тому же в истории, как верно заметил еще Лев Гумилев, все явления — это не противостояния, а многоугольники. Обстоятельств, могущих повлиять как положительно, так и отрицательно, — масса.

А давайте посмотрим вместе, что из всего этого получится. Вдруг да и выйдет нечто путное...

Не утомил? Тогда вперед, потому что я уже начинаю...

Глава 1

КТО Я И ГДЕ Я?!

Что происходит, что вокруг меня?
И почему я твердь не ощущаю?
Я самого себя не осязаю...
Я мыслю... Но не знаю, жив ли я?

Леонид Ядринцев

Когда Константин Орешкин проснулся, лежа на чьей-то лохматой шубе с длинным ворсом, то поначалу принялся... отплеиваться. Что-то неприятное и волосатое упрямо лезло ему в пересохший рот, гадко щекоча по губам.

Да вдобавок еще и дикая головная боль, которая явно не имела ничего общего с похмельным синдромом.

«И куда это я попал, а главное, с какой такой радости?» — вяло подумал он.

Вяло, потому что думать решительно не хотелось.

Не до того было.

Хаотичные мысли игриво бегали внутри раскаленного от боли черепа, но в руки упрямо не давались.

Еще быстрее и суетливее они забегали, когда над ним склонилась какая-то мерзкая бородатая рожа. Она заговорщически подмигнула и, дыша перегаром, смешанным с луком и чесноком, шепнула прямо в лицо, при этом игриво жмурясь:

— Медку-то как, поднести, князь-батюшка? Или велишь рассольчику огуречного? Оно, конечно, не так целебно для головушки твоей будет, да мы нынче и так уже подзадержались, а ведь сегодня надо бы хоть к вечеру да подъехать к братцам вашим. — Бородач почему-то весело хихикнул и добавил

подобострастно: — Жеребец-то твой оседлан давно. И солнышко уже высоко. Ехать пора. Поспешать надо, князюшко.

Абсолютно ничего еще не понимая, то есть вообще ничегошеньки, Константин тем не менее попробовал подняться, но тут же вытаращил глаза от нового приступа головной боли. Кто-то невидимый продолжал яростно ввинчивать в его затылок сверло. Судя по всему, диаметром оно было миллиметров десять, никак не меньше.

Пришлось крепко сжать зубы, дабы не заорать, но физиономия у него стала, очевидно, настолько страдальчески выглядеть, что бородач сокрушенно вздохнул, сочувственно крикнул и, пробормотав, что, видать, и нынче без меда никак не обойтись, метнулся прочь из темной избы.

Константин, оставаясь лежать и стараясь не то чтобы не делать лишних движений, а вообще не шевелиться, пытался, насколько это возможно, осмотреться вокруг одними глазами. То есть вначале повел ими вправо до отказа, потом влево и наконец вверх и вниз.

Увиденное не то чтобы поразило, а вовсе ошеломило его.

Само помещение оказалось деревенской избой в самом худшем ее варианте. Такие ему доводилось видеть еще мальчишкой в семидесятых годах, в деревнях Рязанщины, расположенных близ райцентра, где он провел все свое детство.

Как правило, проживали в подобных избах одинокие несчастные старухи, всю жизнь отдавшие родному колхозу и получавшие пенсии от восьми до шестнадцати рублей в месяц. Рубли были не фантиками от демократов, а полновесными брежневскими, но их мизерное количество не позволяло помереть с голоду и только.

Впрочем, после второго шмыганья глазами Константин понял, что ошибся. Настолько убогих хатенок он вообще не встречал.

Чего стоили, например, земляной пол и натянутая на единственном маленьком оконце загадочная мутная пленка, еле-еле пропускавшая жалкий свет, которого хватало лишь на то, чтобы создать тусклые, унылые сумерки, царящие внутри избы.

Если бы не яркое солнце, упрямо пронзающее своими острыми лучами эту пленку, то в убогой лачуге и вовсе воцарилась бы тьма.

Впрочем, особо разглядывать было нечего. В противоположном от Кости углу разместилась черная закоптелая печка невиданной им доселе конфигурации с выходным отверстием, ведущим наверх, в сторону крыши, причем не доходя до нее где-то с полметра. Потолка в избе просто не имелось.

Из мебели лишь тот лежак, на котором он сейчас находился, широкая, грубо сколоченная лавка напротив и сбоку от нее такой же грубый стол. Полок на стенах, правда, было с избытком, и все сплошь заставлены горшками, горшочками и прочими крынками.

Какое-то несоответствие, некая чуждость и непривычность присутствовала и тут. Спустя некоторое время Константин понял, в чем она заключалась.

Во-первых, посуда на полках стояла исключительно глиняная, ни единой стеклянной банки или пластиковой бутылки там не наблюдалось.

Хотя, невзирая на всю скудость и убогость, пахло в избешке довольно-таки приятно. Легкую горечь от печного дыма щедро компенсировал густой дух трав, где преобладал аромат мяты, смешанный то ли с лесной хвоей, то ли с чем-то похожим на нее.

Во-вторых, он заметил, что напротив от него стояло оружие, аккуратно прислоненное к бревенчатой стене и выглядывшее весьма впечатляюще.

Когда Константин служил в армии, оружейные пирамиды видывал не раз, и его ими удивить было бы затруднительно, если бы не один «незначительный» нюанс. Вот он-то и стал этим самым «во-вторых».

Все это оружие никоим образом не принадлежало к двадцатому веку. Да что говорить, там и девятнадцатым с восемнадцатым близко не пахло. Насколько он разбирался в истории, а он всегда считал, что кое-что в ней смыслит, тут можно было вести речь, самое позднее, о шестнадцатом веке.

Дальше оружие должно было быть уже огнестрельное.

Мечи к тому времени тоже почти все перековали, но не на орала по причине регулярной военной опасности от буйных соседей, а на сабли. Перед ним же находились прямые клинки, один из которых наполовину был вытащен из ножен, так что ошибки быть не могло. Кроме того, на столе лежали луки с колчанами стрел и прочая, прочая, прочая...

Выглядело все это, учитывая давнее, лет эдак пятьсот, не меньше, изготовление, очень и очень неплохо. Не было ни тени ржавчины, ни легкого запаха земли, которым это оружие непременно должно было пропитаться, пока столько лет в ней лежало, то есть на склад «черных археологов» это место тоже никак не походило.

В-третьих, посуда, которая стояла на столе, также смотрелась дико и непривычно.

Что чарки, что разные фигурные сосуды — от всех них веяло глубокой стариной, даже древностью, отстающей от двадцатого века по самым скромным прикидкам лет на пятьсот, не меньше.

Словом, его окружал сплошной антиквариат.

К тому же за дверью все время раздавались грубые мужские голоса и, судя по обилию употребляемых в речи архаичных выражений, обладателей этих голосов к современникам Кости отнести было тоже никак нельзя.

Это было «в-четвертых» и гармонично дополняло имеющуюся нереальную картину.

Константин начал было вспоминать, где вчера был, чтобы, отталкиваясь от этого, попытаться додуматься, что с ним случилось, но дальше веселого бурного отдыха в Адлере и отъезда назад, в Нижний Новгород, мысли не шли.

Последнее, что еще сохраняла память, — это услужливо распахнутая попутчиком дверь в тамбур и какой-то густой пар, похожий на туман. Впрочем, туману там взяться было не откуда, значит, это был именно пар.

«Так, пока ход твоих мыслей мне нравится. Память в наличии имеется, логика тоже присутствует», — мысленно одобрил он себя и попробовал продолжить анализ, но, видать, перехватил или сглазил, поскольку больше уже ничего вспомнить не удалось аж до самого момента утреннего пробуждения.

— А вот и медок! — с радостным воплем заскочил в избушку-развалюшку уже знакомый ему бородач, держа обеими руками увесистый кувшин, из которого он сноровисто налил в ковш какой-то желтой жидкости.

Уже приближаясь, он виноватым голосом — видно, принял за гнев нахмуренный в тяжких раздумьях лоб Константина — покаялся:

— Ты не сердчай больно-то, князь-батюшка, что я задер-

жамшись. Ведь боярин Онуфрий велел тебе нынче ни единой чарки не наливать. Опосля только смилостивился.

При этом рожа его как-то странно перекосилась, и он явно с опаской приблизился к Константину вплотную, поднося ковш прямо к его рту.

Решив на время отвлечься от мыслей о том, где он, с кем и почему, Константин протянул было руку, чтобы перехватить посудину за ручку, но в это время его настиг очередной приступ головной боли, и он приглушенно зарычал от внезапно нахлынувшей злости.

Была она беспричинной, поскольку, кроме него самого, никакого другого объекта, заслуживающего столь суровый всплеск чувств, не наблюдалось, но рожа этого не поняла и испуганно шарахнулась в сторону.

При этом ковш, который Костя не успел подхватить, был аккуратно уронен ему на колени, и ноги его тут же оказались залитыми какой-то бражкой, пахнувшей, впрочем, весьма и весьма неплохо.

Хотя правильнее будет сказать, что он и не пытался взять его в руки. В этот момент, значительно больше, чем средневековый ковш с его загадочным содержимым, Константина заинтересовали... собственные руки. Они почему-то оказались... чужими.

Нет-нет, пальцы исправно шевелились, ладонь послушно сгибалась, и все же это были не руки человека, который главным образом держал в них книги, перо и учительскую указку.

Узловатые пальцы, лопатообразная ладонь с давно затвердевшими бугорками сухих мозолей, крупные рельефные вены на ее тыльной стороне, мощное запястье с широким золотым браслетом на нем — все это больше напоминало руку молодого мужчины, более привычного к физическому, нежели к умственному труду.

Это при условии, если он вообще когда-либо занимался умственной работой.

В последующую минуту в избе воцарилась тишина.

Костя тупо разглядывал, во что превратились симпатичные шаровары красного цвета, неведомо когда надетые им, а мужик с открытым ртом смотрел на него, как дикарь из какого-нибудь каменного века на работающий телевизор.

Потом, слегка придя в себя, бородач кинулся ему в ноги,

старательно целуя и чуть ли не обсасывая на них пальцы и вопя что-то нечленораздельное, но очень жалобное.

Отдельные связные слова Константин стал различать только спустя минуту после начала воплей.

Из них следовало, что бородач очень раскаивается, в будущем он готов это ужасное и страшное преступление искупить, отслужить, и ежели только князь его не прибьет, то вернее слуги у него по гроб жизни не будет. Он же для него в лепешку расшибется, живота своего не жалея.

Далее следовала прочая белиберда в том же духе.

При этом мужик ухитрился все время целовать Костины ноги и в порыве усердия, протягивая к нему жалобно руки, точнее лапищи, похожие на хорошие совковые лопаты, чуть не сбил вторично ковш, лежащий на груди у Константина, в котором, судя по всему, еще оставалась добрая порция браги, весьма приятно пахнувшей медом.

Весь этот дешевый спектакль настолько граничил с издевательством, что Костя едва справился с тут же возникшим сильным желанием напрочь сорвать игру актеров какой-нибудь сумасбродной выходкой.

Единственное, что слегка его притормозило, — уж очень правдоподобная бутафория, окружавшая новоиспеченного князя со всех сторон, а также еще более сильное желание досмотреть постановку до конца.

К тому же было непонятно еще одно загадочное обстоятельство. Оказывается, шапочное знакомство со старославянским языком, которое имело место еще в пединституте, как-то вдруг переросло у него в более весомое.

Во всяком случае, он прекрасно понимал речь мужика, невзирая на огромное количество устаревших слов, которыми тот сыпал. С чего бы вдруг в нем пробудились эдакие познания?

Поэтому он, сдержавшись и окончательно решив подыграть в меру сил артистам, сказал ровным, миролюбивым тоном ползающему в ногах мужику:

— Ну все, хватит. Сядь и угомонись. Считаю, что я тебя простил.

Заткнулся тот сразу, будто ему с размаху кляп в рот засунули. Сел на пол, выпучил на Константина недоверчиво глаза и в таком положении застыл как статуя.

Новоиспеченный князь тем временем остороженько приложился к ковшу.

Содержимое, надо признаться, пришлось ему по душе и по вкусу. Впрочем, злоупотреблять данным зельем не стоило, поскольку предстояло разобраться, что же, в конце концов, с ним приключилось.

Он уж хотел было аккуратненько порасспросить эту бородатую рожу, но тут в избу вошел приземистый дядька лет сорока пяти, одетый во что-то до жути старинное, но нарядное, и тоже с окладистой бородой, в которую он надежно запрятал и свой нос картошкой, и узенькие, как у какого-нибудь китаяца, глазки.

Более того, чтобы еще надежнее скрыть свою внешность, сей мужик отрастил необыкновенно мохнатые кустистые брови. Борода его поднималась до самих глаз, а брови свешивались книзу. Таким образом маскировка обеспечивалась полностью.

Увидев вошедшего, обладатель рожи номер раз вышел из состояния ступора и довольно-таки резво отполз к лавке у противоположной стены, испуганно глядя то на него, то на Константина.

— Стременной твой горланил уж больно громко, вот я и зашел глянуть, не случилось ли чего, — пояснил цель своего прихода нарядный мужик и поинтересовался: — Али не угодил чем тебе Епифашка, князь?

Непонятно почему, но вошедший Константину сразу не понравился. Какой-то он был уж очень лживый, даже на вид. Именно поэтому Костя не стал вдаваться в подробности, а только хмуро заметил:

— Да неуклюжий он слегка, а так ничего.

Нарядный мужик, которого Костя успел мысленно окрестить жуликом, оценил ситуацию почти мгновенно. Лицо его побагровело, и он, грозно повернувшись к перепуганному стремени, замахнулся на того плеткой.

— Собака поганая, смерд подлый, — прошипел он сквозь зубы и с размаху перетянул его вдоль спины, потом ухватил за бороду и рявкнул: — Так-то ты князю нашему служишь! — Повернувшись к Константину, он льстиво и как-то уговаривающе добавил: — Дозволь, князюшко, я ему сам наказание учиню, дабы впредь руки крепко твое добро держали?

Молчавший дотоле стремленной вдруг пронзительно завопил:

— Смилуйся, боярин! Каюсь, промашка вышла! Искуплю верной службой!

— Оставь его, — буркнул Костя. — Сам накажу.

— Только ты уж его, — боярин нехотя выпустил бороду из рук, — не калечь. Стременной он смышленный, а то, что рука у него дрогнула, так это от страху. Известно, ты поутру вельми неласков, а длань у тебя тяжелая, вот он и... — Тут он еще раз посмотрел на мокрые благоухающие штаны Кости и поморщился. — Ишь как воняет. А ну, живо порты сухие князю неси! — Уточнив: — Тока не красные, они в терему у княж Ингваря занадобятся. Да исподнее не забудь! — крикнул он вслед Епифашке, пулей метнувшемуся к выходу. Затем, дождавшись, когда тот убежал, подошел вплотную и шепнул вполголоса: — Может, прикажешь мне речь вести с князем Ингварем? Боюсь я, вспылить ты можешь по младости, коли он норов свой выкажет, а нам без согласия его самого, да и братьев его возвращаться к князю Глебу никак не можно.

Константин медленно махнул рукой, постепенно вживаясь в роль князя, непонятно, правда, какого.

— После решу.

— Ну гляди сам, — с еле заметной угрозой в голосе буркнул боярин. — Только опосля чтоб не каялся. Князь Глеб в первую голову с тебя, с брательника спросит, коль не справимся.

— А с тебя? — задал Костя вопрос, которым не столько пытался парировать эту явную угрозу, сколько хотел выжать еще чуток информации, так необходимой теперь.

— И с меня тоже, — покладисто согласился тот. — Только я хоть и набольший из твоих бояр, да все не князь. Посему и спрос первый не с боярина Онуфрия, а с князя Константина будет. — И он заторопился к выходу, явно довольный тем, как лихо он его, Костю, уделал, что тот аж вздрогнул.

Но он ошибался. Причина была вовсе не в испуге перед гневом неведомого князя Глеба, а в том, что этот якобы боярин назвал его настоящее имя.

«Прокол», — усмехнулся Костя, с иронией глядя в спину бородачу, который, перед тем как выйти и уже открыв скрипучую дверь, деловито добавил:

— Надо бы поспешить, княже. Солнышко вон уж всю гуляет, мы и так припозднились.

Вялый кивок был ему ответом, мол, успеем, и Константин вновь принялся размышлять.

Значит, все-таки действительно розыгрыш, поскольку князей с такими именами он на Руси практически не помнил, за исключением разве что великого владимирского князя Константина, старшего сына Всеволода Большое Гнездо, но с таким титулом пребывать в таком убожестве, пусть в качестве временного пристанища...

Но, с другой стороны, если это розыгрыш, то кому и зачем он понадобился? Это ж сколько денег надо вбухать, чтобы создать такие мастерские декорации, к которым не придерешься — до того правдоподобны?!

Будь он не Орешкиным, а новым русским и имей в друзьях точно таких же, еще можно было бы как-то понять — резвимся как умеем, денег не считаем, и все это исключительно для того, чтобы после посмеяться над доверчивым приятелем.

Но он-то простой учитель истории и таковых друзей никогда не имел. Следовательно, эта постановка должна иметь цель о-го-го, сулящую огромную или — как минимум — очень большую прибыль.

А какой с него, Орешкина, можно поиметь навар? Да никакого. Как с козла молока, а то и еще меньше.

Словом, с логикой не получалось. Буксовала она при этой версии.

Оставалось самое простое — сидеть тихо, делая вид, что он всему верит, а самому потихоньку набирать информацию и... подмечать новые проколы артистов.

Дождался рожи, то есть стремленного Епифана, Константин недолго. Тот подскочил через пару минут с целым ворохом одежды в руках. Глаза его радостно сияли, а с пухлых губ не сходила счастливая улыбка.

С места в карьер он принялся помогать своему князю передеваться, влюбленно поглядывая на него.

При этом стремленной не уставал тарыхтеть, не умолкая ни на секунду, и Костя, аккуратно задавая наводящие вопросы, выжал из него практически всю информацию, которой тот располагал.

Оказывается, князь Глеб Владимирович, старший на Ря-

занской земле, послал его, то бишь своего родного брата Константина, звать своих двоюродных братьев Игоревичей — Ингваря, Юрия и Олега, на большой сбор, дабы мирно уладить спорные имущественные вопросы, которых уже накопилось выше крыши.

Стременной процитировал еще кучу имен, причем тоже из числа якобы братьев Константина, но всех упомянуть было просто невозможно, тем более что к остальным князьям Глеб отрядил других гонцов.

Всего же братьев, как родных, так и двоюродных, насчитывалось у Константина на Рязанщине свыше десятка.

«Ужас какой-то, — подумалось Константину. — На одну несчастную область, говоря современным языком, аж десять, если не пятнадцать губернаторов, и у каждого свой аппарат, то есть советники всевозможные, бояре, дружина, куча слуг и так далее. Плюс к этому у самих бояр тоже штаты немалые».

«Будет о чем потолковать с ребятами в сентябре», — мысленно обрадовался он и тут же нахмурился, услышав, как стремной назвал его по отчеству.

Если б Всеволодовичем, тогда все ясно — очередной ляп, ибо дело происходит в Рязанском княжестве. Прозвучи его подлинное, то есть Николаевич, тоже понятно, что прокол, а вот Владимирович не вписывалось никуда.

Он принялся лихорадочно припоминать, но ничего не получалось, словно память странным образом заклинило. В голове всплыл всего один Константин из рязанских, которого по приказу старшего брата Ивана Калиты подло умертвили в темнице, но тот вроде бы не подчинялся никаким Глебам и сам был главным князем на Рязани, а тут...

«Или это потом он стал главным, а пока слишком молод, — осенило его, но сразу усмехнулся, иронизируя над собой. — Какой еще князь?! Глупости все это».

Орешкин снисходительно поглядел на актера, довольно-таки неплохо игравшего роль стремной, во всяком случае достаточно убедительно, но затем вновь призадумался.

«А если все это на самом деле? Тогда-то как?» — но тут же отогнал от себя страшную мысль, которая тем не менее вернулась уже спустя минуту.

Виной тому было... его собственное тело. Точнее, полное отсутствие оно.

Нет, он не превратился в сгусток энергии или некую бесплотную субстанцию. Отнюдь нет.

Однако его личной плоти, которая по праву единственного законного собственника принадлежала Косте вот уже тридцать восемь лет, начиная с самого первого мига появления на свет божий, не существовало.

Это был железный факт, спорить о котором было просто невозможно, ибо наглядные доказательства тому начинались с самого верха и заканчивались на мизинце левой ноги, который, между прочим, был давно сломан и неудачно сросся.

Но это у него самого.

Здесь же это был мизинец как мизинец, ничем не отличающийся от своего близнеца на правой ноге.

И так куда ни глянь. Два длинных шрама на левом боку, большая родинка на правом плече — все это ему было в новинку. Зато рубец, оставшийся после удаления аппендикса, отсутствовал напрочь.

Да и с остальным не все в порядке. Руки намного мощнее и длиннее, ноги тоже покрепче, хотя и не толстые, рост прибавился сантиметров эдак на десять.

В последнем тоже невозможно было ошибиться, поскольку расстояние от пола до глаз оказалось непривычно далеким.

О новом лице судить было трудно, и Константин решил отложить этот вопрос до появления зеркала или хотя бы какой ни на есть лохани с водой.

Зато непонятно как выросшую за ночь бороду он явственно ощущал уже рукой, а скосив глаза книзу, мог убедиться, что окрас ее светло-русый, стало быть, и на голове у него, то есть у князя, в смысле, — тьфу ты, черт, совсем запутаться можно — произрастают такие же блондинистые волосы.

«Чертовщина какая-то», — думал он, тупо продолжая рассматривать себя или не себя и все так же ничегошеньки не понимая в происходящем.

Никаких мало-мальски правдоподобных предположений, хоть как-то объясняющих произошедшую с ним метаморфозу, не было. Робкие гипотезы, застенчиво возникающие в мозгу, не выдерживали даже самой скромной критики и стремительно отсекались сверкающим лезвием очевидных и непреложных фактов.

Оставалась только одна догадка, чудовищно невероятная,

но в которую тем не менее железно укладывалось все происходящее. Константин очень не хотел допускать ее, но ничего иного в голову не приходило. А заключалась она в том, что все это правда, пусть и неправдоподобная.

Вот такой грустный каламбур.

«Такого не бывает», — стучала в висках разумная мысль.

«А иначе как все это объяснить?» — раздавался голос из другой половины головы.

«И все равно не бывает», — не сдавалась первая половина.

«Но как же факты?» — давила вторая.

«Не верю», — бездумно упиралась первая...

«Стоп, стоп, — замотал Константин головой, останавливая этот бесконечный спор, рискующий затянуться до бесконечности и могущий и впрямь свести с ума. — Если я уже с него не сошел, — вдруг осенило его. — Ну правильно, стукнулся где-то головой, вот крыша и поехала. Лежу, поди, сейчас где-нибудь в психушке, а это все глюки. Ведь выйти из этого бредового состояния, даже если я все прекрасно понимаю, у меня почему-то не выходит...»

Он в отчаянии затряс головой, которая послушно заболела, почесал затылок и тут же охнул от острой боли.

Оказалось, что он задел рукой неведомо откуда появившуюся здоровенную, чуть ли не с куриное яйцо, шишку.

После того как встряхивание не помогло, он довольно-таки болезненно ущипнул себя. Стало больно, но и только.

«А в книжках пишут, что это первейший способ избавиться от глюков, — вздохнул он и безнадежно махнул рукой. — Остается принять участие в спектакле, сыграть в меру сил и возможностей, постаравшись запомнить побольше нового и интересного. В школе все сгодится. Хотя... какая уж тут школа. — Он горько усмехнулся. — Даже если оклемаюсь, в нее мне, бывшему психу, дорога будет навеки закрыта... Ну и ладно, — он попытался собрать в себе остатки оптимизма, — хотя бы для себя самого. А иначе... скучно будет. Эдак еще раз с ума сойдешь, только уже от тоски. Да и интересно, насколько буйная у меня фантазия».

Придя к такому выводу, Константин и впрямь слегка успокоился, даже повеселел и попытался завести с Епифаном разговор о своей семье.

После некоторых уловок и хитростей спустя всего неско-

лько минут ему удалось выяснить, что он, оказывается, женат, супругу Кости зовут Феклой и у него растёт сын Евстафий, коему уже лет десять от роду.

Кстати, едва он начал напяливать свое облачение, как тут же понял, почему так сильно перепугался Епифашка.

Костя не был силен в тканях, но даже ему, полному профану в таких вопросах, было ясно, что надеваемые им штаны на порядок ниже по качеству тех красных, которые оказались залиты медовухой.

Судя по всему, вторые революционные шаровары, которые «занадобятся в терему княж Ингвара», были последним резервом.

Вообще-то помощь Епифана для него была как нельзя кстати, поскольку средневековый княжеский наряд хоть и не шел ни в какое сравнение, скажем, с царским, тем не менее первая попытка одеться представляла изрядную сложность.

Непослушные пальцы поначалу автоматически пытались найти пуговицы, которых не было, а потом, едва речь дошла до вооружения, Константин и вовсе стушевался.

Догадки к делу не подошьешь, и ему поневоле пришлось изображать из себя эдакого ленивого сибарита, которому порой даже руку лишний раз тяжело поднять.

Путаясь в кольчужных кольцах и многочисленных замках и перевязях, он все-таки с помощью расторопного стременного водрузил на себя всю амуницию, которая сидела на нем все равно как-то не так.

Или это просто ему показалось с непривычки?

В ходе беседы, которая продолжалась, хотя Константин старался побольше спрашивать, удалось выяснить много чего любопытного и интересного.

Правда, невзирая на все старание, у него произвольно прорвалось-таки несколько слов, которые еще не были распространены в этом времени, но Епифан пропустил их мимо ушей, очевидно полагая, что князь будет поумнее какого-то стременного.

На выходе из избушки Костю ждало новое потрясение.

Он, конечно, не очень-то надеялся, распахивая скрипучую дверь, выйти наружу и тут же попасть в привычные для себя условия, но где-то в глубине души у него еще теплился огонек надежды.

А вдруг неведомые авторы театрализованного представления допустят где-то ошибку или одну-две неточности, в которых их можно будет уличить.

Однако мечты оказались напрасными.

То, что на дворе стояло не лето, хорошо было видно уже по обильному снежному покрову, в который Константин с хрустом провалился по самую щиколотку, едва шагнул с низенького порога избышки.

Небольшая полянка, на которой стояла лачуга, была со всех сторон окружена могучими елями. Возле одной из них из последних сил печально дымил догорающий костер.

Полтора десятка всадников, одетых столь же допотопно, как и сам Костя, уже сидели верхом на лошадях, нетерпеливо ожидая команды выдвигаться. Рядом с всадниками два человека что-то шустро загружали в приземистые сани.

Кругом царила лесная идиллия. Закутанные в снежные покрывала стройные ели толпились вокруг всадников, как восточные красавицы, готовые молчаливо и покорно исполнить любую прихоть случайных гостей. Одна была краше другой, и все без исключения кутались в белоснежную фату с хрустально-синеватой искоркой. Торжественно и строго застыли они, ожидая окончания своеобразных смотрин, которые решил устроить чрезмерно разборчивый жених.

Безмолвие природы нарушала лишь парочка красногрудых снегирей, суетливо прихорашивающихся на одной из густых и раскидистых еловых лап и не обращающих ни малейшего внимания на тех, кто внизу.

В голубом льдистом небе ослепительно сверкало яркое желтое солнце, а морозец стоял не меньше десяти градусов.

Дойдя по хрусткому снегу до саней, Константин внимательно окинул взглядом поклажу.

Ничего особенного: пара сундуков из темного дерева, щедро окованных по углам железом, которое кое-где уже лизнула ржавчина; несколько небольших бочонков с торчащими из них деревянными пробками-затычками; туго набитые чем-то мешки из грубого некрашеного холста; увесистые плетеные корзины, заботливо завязанные сверху чистыми тряпками, и прочая ерунда.

Епифан подвел коня, помог взгромоздиться, и кавалькада всадников молчаливо потянулась вслед за Константином и

пристроившимся рядом с ним — стремя в стремя — боярином Онуфрием.

Ехать было легко. Санная дорога, вилявшая туда-сюда по хвойному лесу, была достаточно укатана, хотя и почти безлюдна.

За все время движения лишь один раз им встретился обоз из четырех или пяти саней, возчики которых тут же торопливо свернули на обочину и, увязая в снегу, суетливо кланялись до тех пор, пока княжеский эскорт не скрылся с их глаз.

Так они и ехали почти весь день и лишь на закате, когда солнце наполовину скрылось за деревьями, вдали, чуть ли не посреди огромного поля стали отчетливо видны деревянные стены явно средневекового города.

Как выяснилось, это был Переяславль Рязанский, вотчина Ингвара Игоревича со своими братьями, княжившими неподалеку от него: один в Борисове-Глеbove, другие еще где-то, но все в таких городах, названий которых на территории Рязанской области Константин совершенно не помнил, словно таковых и не было вовсе.

Во всяком случае, за ближайшие к его времени двести — триста лет он мог твердо ручаться.

Все это время Онуфрий потихоньку бубнил, старательно инструктируя князя, поучая, как себя вести. Как подходить, как кланяться, не умалив своего княжеского достоинства и в то же время выказав должное уважение хозяину. Какие речи вести да как обойтись с хозяйкой терема, то бишь женой Ингвара, какие подарки вручить и какие слова при этом сказать и много еще чего в том же духе.

Уже спустя первые десять — пятнадцать минут Константин уловил, что в этой речи ему так не понравилось. Такую речугу обычно закатывают перед каким-нибудь великовозрастным дебилом с олигофренией средней тяжести.

Нет, ему-то лично Онуфрий бесспорно оказал важную услугу — он же ничего такого не знал. Но если учесть, что на самом-то деле слова боярина были адресованы человеку, который должен был быть прекрасно осведомлен во всем этом, то становилось ясно, какого мнения Онуфрий об умственных способностях своего князя.

Константин поначалу хмуро кивал, пытаясь не выдать свое дремучее невежество и показывая всем своим видом, что

и сам это все знает, только лень говорить по причине жуткой головной боли, хотя на самом деле уже ничего не болело — спасибо «лекарству» из кувшина.

Потом так же лениво он стал подкидывать различные вопросы и, видать, переборщил, поскольку к концу инструктажа Онуфрий как-то подозрительно стал на него поглядывать и наконец не выдержал и осторожно заметил:

— Уж больно ты нынче странный, князь-батюшка.

— Чем же?

Тот опять замялся ненадолго, чтобы подыскать, по всей вероятности, ответ поделикатнее, но потом нашелся и заявил:

— Да ранее тебе все боле бочонки с медом в интерес были, а нынче и в дела княжьи вникать начал, да с умом.

— А раньше как же? Без ума, что ли? — грозно спросил Константин, при этом, конечно, больше играя, нежели возмущаясь на самом деле.

— Да нет, — быстро поправился Онуфрий. — Только интереса в тебе не было. Равнодушие одно, а ныне вон как... И вопросы все задаешь тоже с умом, нужные, — добавил он.

— Раньше мне и не доверяли так, — нашел Костя правдоподобное объяснение. — А нынче, коль князь Глеб такое важное поручение дал, надобно его исполнить в лучшем виде.

Боярин вновь закивал, охотно соглашаясь с ним, и ненадолго замолчал, тем более что из ворот города, до которого осталось не больше километра, выехала группа всадников, явно направляясь в их сторону.

Глава 2

А ПОПУТЧИКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Как силуэт, отраженный в окне
Долгой вагонной дороги,
Изморось дней в очищающем сне
Взвезят небрежные боги...

Андрей Белянин

Нет смысла детально описывать различные мелкие подробности, которым Костя не уставал удивляться.

За первые часы своего пребывания в новом облике он по-

нял лишь, что история в теории и история на практике — это две совершенно разные вещи, и даже если ты считаешь себя неплохим знатоком прошлого, то это вовсе не мешает тебе оказаться абсолютным профаном.

В этом на собственном опыте убедился и Костя уже в первый день пребывания в княжеском теле.

Встретили их хоть и не очень-то любезно, но вежливо. Именно так принимают посла враждебного государства — соблюдая все правила приличия и ничем не умалив достоинство дипломата, но в то же время давая понять, что с теми, кто стоит за его спиной, суровый разговор далеко не окончен.

Так и здесь — вроде бы все соблюдено, да и слов обидных сказано не было, но чувствовалось, что и сам Константин, то есть князь, и его брат Глеб весьма неприятны встречавшим его хозяевам города — Ингварю, Юрию и Олегу. Причем неприятны не только как, скажем, более удачливые соперники, овладевшие рязанским столом, но и как личности.

Судя по всему, где-то когда-то судьба их уже сводила вместе, возможно, даже не раз, и воспоминания от этих встреч у того же Ингваря остались не совсем приятные.

Зато от всего остального впечатления у Кости были самые радужные.

На некоторое время он даже забыл о нереальности окружающего мира и с жадным восторгом впитывал в себя все, что открывалось его глазам.

Миновав добрых полторы сотни деревянных хибар с заснеженными огородами и приземистыми деревцами, тесно окружившими каждую из халуп, они наконец добрались до крепостных сооружений.

Судя по ним, чувствовалось, что хозяева города бдительности не теряют. Глубину рва не определить — мешал снег, а вот стены — скорее всего бревенчатые — плотно укутаны снегом, усердно залитым водой.

Ошибиться Константин не мог — плотная корка льда отчетливо искрилась в лучах низко нависшего над горизонтом солнца. Ребятам раздолье, а осаждающим — мучение.

Затем перед ними предстали распахнутые настежь крепкие дощатые ворота, стянутые сверху и снизу широкими железными полосами.

Над воротами угрожающе зависла большая квадратная

башня, сложенная из обычных дубовых бревен. Дальше начался уже сам город.

За все это время людей на улицах посада, кроме нескольких ребятишек в драных шубейках, с радостным визгом барахтающихся в сугробах, Константин почти не видел.

«Ага, реквизита одежного уже не хватает», — возликовал было он, но затем притих, ибо едва они въехали в сам город, как людей на улицах заметно прибавилось.

Причем каждый из случайных прохожих, куда бы он ни шел, едва заметив вереницу всадников, останавливался и чуть ли не с раскрытым ртом внимательно разглядывал Костю и его спутников, пока те не уезжали далеко вперед, исчезая из поля видимости.

Одежда на всех горожанах, встреченных по пути к княжескому терему, разнообразием не отличалась. Если мужик — стало быть, на нем шапка из темной или светлой овчины, такая же шуба, тулуп или зипун — поди пойми, как оно тут называется, да и головные уборы также особой изысканностью не страдали. На ногах лапти, реже сапоги.

Женский пол почти не отличался от мужского, разве что на головах у баб были тяжелые темно-серые платки вместо шапок, а особы помоложе поверх них накидывали что-то более узорчатое и яркое.

Зато в княжеском тереме и с одеждой, и с обувью разнообразия было не в пример больше.

Дворовые люди, которые шустро приняли конские поводы у изрядно притомившегося с непривычки Константина, тулупов не имели вовсе. Зато рубахи у них были чуть ли не всех цветов, а у некоторых еще и с узорами, шедшими узкой полосой по вороту.

Аналогично и с обувью — здесь уже не редкостью были сапоги, хотя и тут попадались лапти.

Вечером, дав всем прибывшим время переодеться и вообще привести себя с дороги в порядок, Ингварь закатил пир.

Гостей усадили в самой большой светлице терема — где-то метров пять на восемь, и все дружно обменивались комплиментами, не забывая воздавать должное закускам, щедро выставленным на широком столе, установленном буквой Т.

Перекладина этого стола находилась на небольшом возвышении типа помоста, и сидели за ним всего семеро.

В середине, разумеется, сам Ингварь, уже седоватый, в годах, коренастый и плотный; рядом его супруга, которой Костя успел отвесить не менее пяти комплиментов, отчего она раздурманилась не на шутку. По другую руку от князя сидел старший сын хозяина, тоже Ингварь, совсем молодой темно-волосый юноша.

Тут же расположили Костю с боярином Онуфрием и еще двоих князей, статус которых — то ли гости, то ли совместные с Ингварем совладельцы Переяславля. Вообще-то такое, насколько знал Орешкин, бывало часто. Даже Москву, точнее доходы с нее, причем гораздо позже, великий князь завещал сразу всем своим сыновьям в равных долях, так что уж тут говорить про Переяславль.

Словом, точный их статус Константин так и не понял, но что родичи — точно. Оба они — и Олег, и Юрий — являлись родными братьями Ингваря.

Кстати, поначалу и тот и другой, как и Ингварь-старший, поглядывали на гостя с легким изумлением, и лишь к концу вечера их холодная сдержанность наконец уступила место подлинной сердечности — оттаяли все трое.

А вот Онуфрий, как подметил с некоторым удовлетворением Орешкин, скорее уж наоборот — чем дольше слушал своего князя, тем больше диву давался.

Первый раз он ошалело вытаращил глаза, когда Константин, отхлебнув грамм сто из вместительного, на пол-литра, не меньше, кубка, поставил остальное на стол и принялся не спеша закусывать.

Спустя минут десять они у него вообще чуть не вылезли из орбит — это когда Костя произнес ответную здравицу в честь хозяев сего дома, попутно процитировав Рудаки и Омара Хайяма, которые, насколько он помнил, давно и благополучно скончались, а значит, никакой исторической накладки произойти из-за этого не могло.

Хотя, с другой стороны, опасаться не имело смысла. Откуда здесь взяться знатоку Востока? С тем же успехом можно было бы преспокойно цитировать Пушкина или Некрасова. Но это он осознал позже.

Словом, новоиспеченный посол или дипломат успевал все, отбросив тягостные мысли насчет своего непонятного и невероятного появления здесь и восприняв как данность тот

непреложный факт, что чудеса на свете случаются и с ним приключилось одно из них.

Это, разумеется, если он не лежит сейчас на самом деле в каком-нибудь сумасшедшем доме, в палате для особо буйных.

С другой стороны, если это и так, то изменить ситуацию все равно не в его силах, и остается наслаждаться жизнью, которая — вполне вероятно — реальна лишь в его воспаленном мозгу, внезапно пораженном острым приступом шизофрении. Впрочем, даже при таких мыслях аппетит у него не угасал, благо на столе чего только не было.

Про обычное мясо типа свинины вообще говорить не имеет смысла, но тут и дичи всевозможной тоже было в изобилии: и зайцы, и лебеди, и рябчики, и тетерева.

Еще краше оказался рыбный ассортимент: осетрина и лососина, щука и сиговина, и даже какая-то «ветряная белужья спинка», которую очень настойчиво предлагал отведать старший Ингварь, ссылаясь на то, что делал ее смерд-умелец и больше такого чуда Костя отведать никогда и нигде не сможет.

Грех отказывать радушному хозяину — и все покорно пробовалось, пригублялось, отведывалось и не только.

Даже когда живот Кости уже надулся будто барабан, рука вопреки его воле продолжала тащить в рот куски нежной, тающей белужьей спинки.

При всем том он не забывал и о своей дипломатической миссии, отвешивал комплименты направо и налево, шутил, толкал тосты один за другим, и ближе к концу этого веселого мероприятия хмель изрядно его продрал.

Голова еще продолжала соображать, мозг тщательно взвешивал каждое слово, для чего пришлось поднапрячься и вспомнить все, что он знал из древнеславянского, да и координация движений еще сохранялась, но к своему очередному четвертому или пятому кубку с медовухой он только прикладывался губами.

Онуфрий к этому времени изрядно осовел и, окончательно уверившись, что князь не напьется как свинья, позволил себе расслабиться.

Одно время он пытался на правах опекуна помогать, вставляя свои несчастные три копейки в те непринужденные великосветские беседы, которые вел Костя, но затем, не сто-

лько поняв, сколько почувствовав, как невыгодно смотрятся его тяжеловесные и порою весьма грубоватые речи на фоне витиеватых княжеских кружев, замолк.

Лишь изредка он старательно кивал, как бы присоединяясь к сказанному Константином, и подавал одобрительные односложные реплики, ни к чему не обязывающие, но в то же время показывающие, что он тут, все время рядом, на боевом посту.

Разошлись все по опочивальням, учитывая масштаб застолья, довольно-таки рано, где-то часов в десять-одиннадцать.

Впрочем, можно было и продолжить, но предложение хозяина дома пойти опочить Костю вполне устроило по многим причинам.

Во-первых, он и впрямь устал, уж больно день оказался насыщенным, во-вторых, он во многом еще до конца не разобрался, а в-третьих, ему надо было — и лучше всего сегодня, чтобы завтра поутру на свежую голову осталось только подкорректировать, — выработать дальнейший план своего поведения.

В светелке, куда его довел слуга, проведя по двум узеньким коридорчикам и лесенкам, а потом оставив перед дверью и отдав свечу, он оказался не один.

Бабенка, энергично взбивавшая перину на его ложнице¹, на первый взгляд была очень даже ничего, во всяком случае со спины.

Когда она испуганно обернулась на шум, стало понятно, что она даже более чем ничего, да что там — просто хорошенккая.

Костя еле удержался, чтобы не сказать ей что-нибудь в духе двадцатого века, но вовремя спохватился, тем более что вслед за ним ввалился Онуфрий, который шумно сопел и, дождавшись ухода прислужницы, завел с князем длительный разговор насчет завтрашней беседы с Ингварем и его братьями.

Костя машинально кивал, даже когда не совсем понимал ход мыслей боярина, и, с трудом дождавшись долгожданного одиночества, смог наконец поразмыслить в уединении над тем, каким образом он сюда попал.

¹ Л о ж н и ц а — кровать.

Догадка пришла к нему спустя несколько минут. Словно что-то щелкнуло в голове, яркой вспышкой почти с фотографической точностью осветив все то, что произошло с ним накануне.

Черт знает почему Константин пустился в бурный поток откровений, сидя в тот теплый летний вечер в купе поезда Адлер — Нижний Новгород.

Вагонные колеса выбивали обычную монотонную дробь на стыках рельсов, единственный попутчик, представившийся Алексеем Владимировичем, понимающе покачивал импозантной седой шевелюрой, а Константин заливался соловьем, перечисляя те ошибки, которые, на его взгляд, допустили идиоты, по иронии судьбы допущенные к власти.

Старомодное пенсне на крупном благородном носу попутчика посверкивало чистенькими стеклышками, подбадривая и поощряя на еще большую откровенность.

Впрочем, старомодным оно выглядело бы, если бы самым гармоничным образом не сочеталось с одеждой этого человека.

Строгий светлый костюм-тройка, нежно-голубая рубашка с сочно-синим галстуком превосходно дополняли его. Довершала изысканную композицию небольшая седая борода и снежно-белая прическа со строгим, чуть ли не геометрически правильным пробором.

Морщин на лице почти не было, а те немногие, что имелись, строгого обаяния отцветающей красоты ничуть не портили. Даже цвет глаз идеально соответствовал галстуку — темно-синий, почти фиолетовый.

Профессия Алексея Владимировича, которую он назвал во время знакомства, звучала не менее rispetабельно и внушительно — доктор физико-математических наук, специализирующийся на проблемах космоса.

Однако даже не внешность, а какое-то необъяснимое словами внутреннее обаяние оказалось столь неотразимым, что Костя вот уже битых три часа молот языком.

Единственные десять минут, которые прошли в относительном молчании — время чаепития. Сразу же после него последовало продолжение Костиного монолога.

Он и курить-то за все это время ни разу не выходил — не хотелось.

Пожалуй, за всю свою жизнь Костя ни разу ни с кем так не откровенничал.

А зачем?

История все равно не имеет сослагательного наклонения по принципу «а вот если бы не было бы того-то, то не случилось бы и то-то». Оно было, и оно случилось. Исправить последствия можно, но отменить случившееся нельзя.

Кому же это знать, как не ему — учителю истории в средней школе. Причем весьма неплохому учителю, не только знающему свой предмет, но и умеющему заинтересовать им своих учеников, включая отпетых лоботрясов.

Впрочем, отношения с коллегами у Константина были тоже весьма ровные и, можно даже сказать, дружелюбные, невзирая на то что последние три года только его ученики выезжали на городские олимпиады знатоков прошлого, занимая там высокие призовые места.

А не далее как в этом году они вообще взяли все три места — с первого по третье, на что обратил внимание директор областного департамента образования, благодаря чему Косте и вручили в качестве премии бесплатную путевку в один из сочинских санаториев.

Не будь ее, сам он никогда бы не поехал на юг. На какие шиши-то?

Однако отпуск, юг и прочие радости были практически позади. Впереди его ждал еще месяц отпуска, но это уже было все не то, и настроение у него, как стрелка барометра, устойчиво и грустно стояло в тот вечер на печальном «дождь».

Может быть, именно потому, сидя сейчас в купе поезда, Константин продолжал щедро изливать душу своему случайному попутчику.

До изложения своих взглядов на современную политику он успел рассказать Алексею Владимировичу о себе. Поведал он о своих замечательных родителях, о родственниках и о великолепном городе детства Ряжске. Рассказал о личной жизни, которой после неудачной женитьбы, быстренько завершившейся банальным разводом, по сути, и не было, после чего незамедлительно перешел к истории.

Перебив кости почти всем царям и императорам, он под-

нялся вверх по течению исторической реки и обрушился на современную цивилизацию.

Алексей Владимирович все это время не молчал как истукан — он слушал и делал это мастерски, словно талантливый психолог. В ответ на рассуждения Орешкина он в меру поддакивал, но даже когда не соглашался, то выражал свои сомнения в весьма деликатной форме, причем точно вычленил слабые места в рассуждениях Кости, что побуждало последнего к еще большим откровениям.

Вот и после критики современности он мягко заметил:

— Нельзя служить двум господам: богу¹ и Мамоне². Увы, но земная цивилизация окончательно склонилась на сторону последнего.

Крыть было нечем, но Костя все-таки попробовал.

— И сейчас есть люди, достойные всякого уважения, — искренние, порядочные, честные, добрые. Правда, их все меньше. А в целом вы, конечно, правы, — вздохнув, согласился он. — Только почему вы так произнесли слово «земная», словно отделяете себя от всех прочих?

— Очевидно, из-за постоянного общения со звездами, — обезоруживающе улыбнулся Алексей Владимирович. — Да и не в этом дело. Главное в ином. Помнится, еще в Библии почти везде указывается на вражду бога и дьявола. Две эдакие главные противоборствующие силы. Некогда они, невзирая на отчаянное сражение между собой, в какой-то мере были одинаково сильны, то есть имелось равновесие. Пусть шаткое, неустойчивое, но было, а сейчас... — Алексей Владимирович закрыл глаза и нараспев продолжил: — И уходили в небытие святые, но плодились в изобилии грешники. И уже редко кто каялся, свершив черное и собираясь сотворить его вновь и вновь. А сильные мира сего даже добро творили исключительно из необходимости и корысти, ища и в нем некую выгоду для себя. И тьма все прочнее вселялась в людские души, и таял теплый свет надежды и веры в добро, рассыпаясь на печально гаснущие во мгле искорки. — Он открыл глаза,

¹ Здесь и далее, чтобы соблюсти равноправие и справедливость — ведь не пшем же мы Бог Сварог, Бог Перун, Богиня Мокошь и т. д., к словам «бог», «господь», «всевышний», «богородица», «аллах» и т. д. автор применил правила прежнего советского правописания.

² М а м о н а, М а м о н — древний бог богатства у ряда семитских племен.

печально улыбнулся и заговорил уже обычным голосом: — Глядя на творящееся вокруг, я действительно думаю, что как раз сейчас этому равновесию грозит гибель, ибо дьявол очень сильно нажал на свой конец доски.

— Ну-у, мы-то с вами современные люди, — поправил Костя, — а эти разговоры о дьяволе и боге...

— А какая разница? — равнодушно пожал плечами Алексей Владимирович. — Суть ведь не в терминах. Можно называть и иначе. Например, схватка между Добром и Злом. Или, что ближе к моей работе, между упорядоченным Космосом и диким Хаосом.

— Для Вселенной земные масштабы несколько маловаты, — не согласился Орешкин.

— А это как на войне, — пояснил попутчик. — Иногда на отдельном участке удачные или, напротив, неудачные действия одного взвода оказывают существенное влияние на результаты целого полка, а то и дивизии. Понимаете, исходя из наших последних открытий, Хаос во Вселенной продолжает иметь место, причем стремится к расширению.

— А при чем тут Земля?

— Видите ли, в этом мире, согласно неутешительным прогнозам ряда ученых, планете осталось существовать самое большее два-три десятка лет, а дальше грядет гибель всего живого в результате ядерной катастрофы. Более того, Земля расколется, причем — это уж поверьте мне как специалисту — несколько обломков обязательно будут притянуты Солнцем и врежутся в него.

— Но это же мелочь для нашего светила, — возразил Костя. — Я конечно же не специалист, но...

— Об этом знают далеко не все, — впервые Алексей Владимирович позволил себе перебить собеседника, — но есть теория, которая совсем недавно была подтверждена рядом фактов. Так вот, оказывается, наша звезда на самом деле не очень-то устойчива, и произойдет что-то типа попадания легкой искорки в большой воздушный шар, наполненный водородом. Одним словом, более чем вероятно, что неизбежным следствием станет вспышка сверхновой, которая окажется убийственной для всей галактики. Все бы ничего, но и та в свою очередь является одним из важнейших стратегических пунктов разумного Космоса, так что если Хаосу удастся его

захватить, то процесс обязательно пойдет по нарастающей. Короче говоря, это станет его окончательной победой.

Константин призадумался, не замечая пристального взгляда своего попутчика. Да уж, сведения, которые сообщил Алексей Владимирович, не вдохновляли. Разве только его собеседник утрирует, изрядно сгустив краски.

— И что, иные варианты не допускаются? — уточнил он.

— Отчего же, — пожал плечами Алексей Владимирович. — Вполне. Только вот со взрывом Земли, а потом и Солнышка, почти гарантия. Там как раз ничего изменить нельзя. Отправить человека в прошлое, чтобы он каким-то образом внес изменения в историю, и то легче.

— Теоретически, — сразу уточнил Орешкин, — ведь путешествия такого рода невозможны.

— Это вы про убийство собственного прапрадедушки, — догадался Алексей Владимирович и презрительно отмахнулся. — Примитив. Поверьте, что куда сложнее, существой такие путешествия, была бы иная проблема — найти добровольца.

Ну уж тут Константин решительно не согласился, принявшись горячо убеждать, что с этим вопросов бы не возникло. Только в среде ученых-историков подобных энтузиастов отыскивались бы десятки, если не сотни.

Алексей Владимирович некоторое время молча слушал своего собеседника, время от времени, как обычно, слегка кивая породистой головой, но потом лениво заметил:

— Это лишь так кажется. А вот представьте себе, что я являюсь, ну, скажем, представителем космического разума, который материализовался здесь всего на несколько суток с целью пригласить одного из жителей этой планеты для участия в некоем загадочном эксперименте, связанном с путешествием в прошлое. И вот я говорю вам, что вы нам подходите. Итак, хотите принять участие?

Орешкин уже открыл рот, чтобы выпалить «Да», но Алексей Владимирович с добродушной улыбкой протянул руку, положив ее на Костину ладонь, и заметил:

— Только ответ попрошу дать по-настоящему серьезный и взвешенный, будто это все на самом деле.

Орешкин уверенно кивнул, мол, а как же иначе, но согласия, как собирался, дать не успел — все слова застряли у него

в горле, так и не выйдя наружу, ибо у него возникло странное чувство.

С одной стороны, он прекрасно понимал, что к сказанному следует отнестись пусть не как к шутке, но как к чисто теоретическому варианту, а с другой...

На миг он внезапно увидел в зрачках своего попутчика всю Вселенную: сверкание звезд и хитросплетение полей, вихри межзвездного газа и покой вакуума, неисчислимое мерцание звезд в ее центре и страшные черные дыры, которые пронизывали ее тут и там.

А еще он увидел такое, чего при всем желании никогда и никому не смог бы поведать, потому что и сам постиг из увиденной феерии едва ли одну десятую, не более.

И тут у него создалось впечатление, что говорил его попутчик всерьез и предложение сделал не в шутку.

Бред, конечно, просто помутнение рассудка, но Костя отчего-то призадумался.

Ну кто такой Орешкин, чтобы лезть в герои человечества? Да никто.

Не знаток восточных единоборств, не спортсмен. Если не считать мальчишеского увлечения фехтованием, возникшего после прочтения «Трех мушкетеров», которое, кстати, он забросил после нескольких месяцев, он не занимался всерьез ни с одним видом оружия.

Словом, тем суперменам, которые сплошь и рядом в бесчисленных фантастических книгах одолевают кучу злодеев и спасают прекрасных принцесс, он в подметки не годился.

Кроме того, что касается головы, то бишь ума, то он не стратег войны и не гений политики. В психологии опять же плохо разбирается, да и вообще...

Даже знание истории и то... Да, когда-то он всерьез нацеливался на аспирантуру и даже ухитрился накатать ряд статей, то есть плюс имеется. Однако и он, положив руку на сердце, слабенький.

Во-первых, все это было давным-давно.

Во-вторых, смотря в какую страну и в какое время отправиться. Одно дело, если это окажется Русь, и совсем иное, если...

Поерзав в нерешительности на своей полке и попутно

прихлопнув назойливого комара, Константин неуверенно обратился к Алексею Владимировичу:

— А мог бы я в этом случае задать хотя бы несколько вопросов? Ну, например, зачем вообще понадобился этот эксперимент?

— Я же сказал, спасти планету, — мягко улыбнулся тот. — Знаете, как-то на днях имел довольно-таки долгую беседу со своим школьным однокашником, который сейчас довольно-таки крупный историк, так вот он высказал одну любопытную мысль. Мол, если бы можно было спасти ряд людей, которым в дальнейшем было бы суждено изменить ключевые моменты истории, то и все развитие мировой цивилизации пошло бы иначе... — Алексей Владимирович неопределенно поболтал рукой в воздухе, после чего, лукаво улыбаясь, осведомился: — Так как, поехали бы в прошлое?

Воцарилась тишина.

— А кого именно спасти, ваш товарищ не говорил? — не выдержал Константин.

— Что-то говорил, но я, признаться, не запомнил, — сокрушенно повинулся Алексей Владимирович. — Знаете, с детства на имена и фамилии память не ахти. Впрочем, это и не существенно, ведь это только теория, хотя даже тут вы мне не дали положительного ответа, что и требовалось доказать.

— Но как-то это... — смешался Костя. — В конце концов, вы, как представитель, сам бы все сделали куда лучше, чем любой землянин.

— Возможно, — согласился попутчик. — Но давайте предположим, что ни мне, ни кому бы то ни было по этическим мотивам нельзя вмешиваться в процесс развития разумной жизни, где бы она ни возникла.

— Поди туда, не знаю куда, чтоб спасти того, не знаю кого, — прокомментировал Орешкин. — Проще самому космическому разуму... — Но сразу спохватился: — Ах да, принципы. — И, не удержавшись, съязвил: — Какой-то этот разум в вашем представлении чересчур бездушный. Хотя, конечно, куда проще чужими руками.

— Вы что-то пугаете, уважаемый Константин Николаевич, — не остался в долгу специалист по космосу. — Смеею заметить, что принцип и состоит в том, чтобы все осуществлялось не чужими руками, но самих землян.